

Евгения Воронова:

«Опасно, когда ты сказал себе: «это гениально» и остановился»

Современная художница Евгения Воронова работает с разными медиа. По мере становления личности менялось ее творчество, расширялись границы, глубина произведений, формировался собственный стиль и язык выражения. Ее искусство – это исследование восприятия, в котором художница сама порой становится объектом исследования и частью своего произведения. Помимо собственной художественной практики, Евгения является старшим преподавателем по живописи и деканом факультета графики МГАХИ им. В.И. Сурикова и сооснователем фонда Махарт. О том, как удается совмещать несколько направлений и возможно ли эффективно сочетать творческую энергию с административными вопросами узнала Юлия Константинова.

Женя, начнем с твоего представления, ты совмещаешь сразу несколько деятельности: художник, декан МГАХИ им. В. И. Сурикова, сооснователь фонда Махарт. Первый вопрос: чувствуешь ли ты границы каждой своей роли? Бывают ли у тебя внутренние конфликты именно с точки зрения идентичности и того, кто ты в данный момент?

У меня получается, что все три должности дополняют друг друга. Но, в первую очередь, - я художник, и это лежит в основе всего, что я делаю. Я окончила институт, и мне предложили преподавать там, я согласилась и развила в себе умение общаться с людьми, познакомилась с коллективом. Поняла, что у меня это получается. Если бы преподавание мешало моей творческой стороне, я бы не продолжила это.

Здесь важнее то, как ты обращаешься со своим временем, а я понимаю, что это несколько не мешает, а, наоборот, помогает отвечать на мои внутренние запросы и, таким образом, даже художественный процесс протекает интенсивнее.

Беседовала Юлия Константинова
@_dardada_

Должность декана факультета Графики тоже довольно логично востроилась в преподавательскую деятельность, и это был для меня новый вызов. Мне нравится общаться с коллективом, принимать решения, я хочу, чтобы академический ВУЗ развивался. Поскольку я занимаюсь современными практиками, мне хочется это привнести в академическое образование. При этом цель — не сносить основы, а дать понять студентам, как они могут пользоваться своим опытом, полученным в институте.

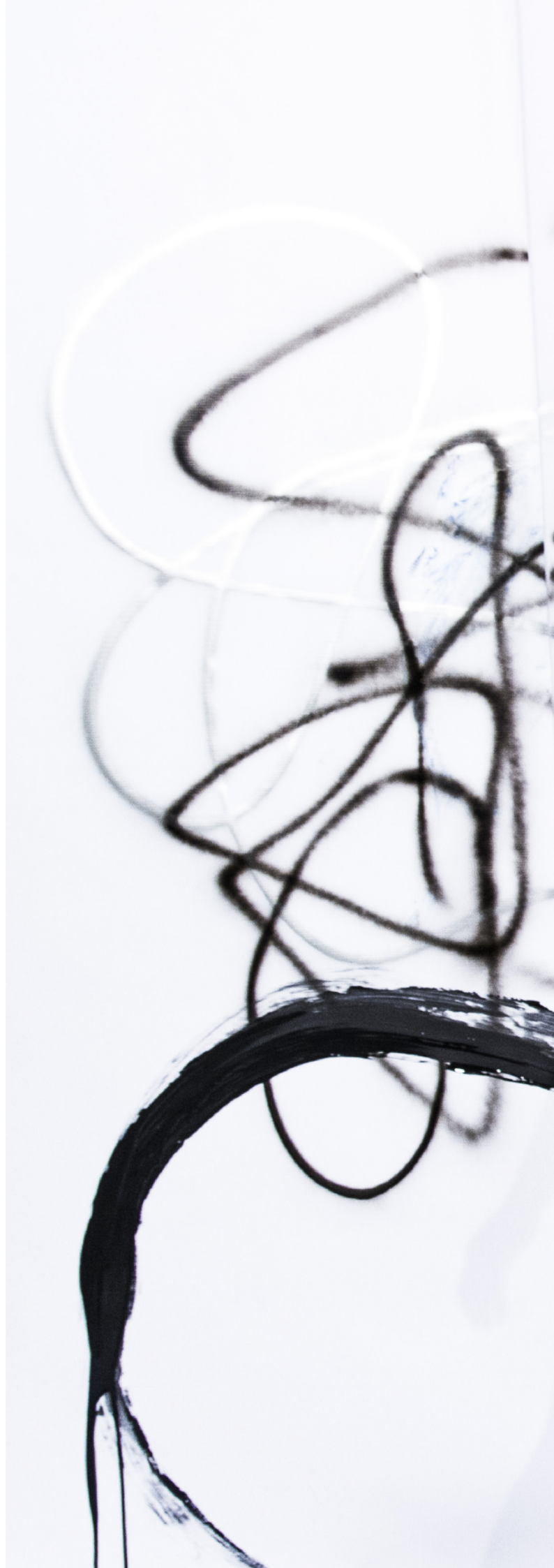
А в рамках фонда Махарт ты себя мыслишь как куратор?

Нет, я скорее художественный руководитель фонда. У основателя фонда был запрос не только коллекционировать, но и сделать что-то полезное для современных российских художников и развития арт-рынка в целом. Как куратора я привлекла Полину Могилину, и мы вместе начали думать, как создать фонд, что это должно быть, чего не хватает художникам, какие программы действительно актуальны. Но, получается, что опыт, который был получен ранее, пригодился и здесь. Я начала взаимодействовать с партерами, привлекать их на реализацию выставочных проектов. Выбрали мы непростой путь — site-specific выставки — это выставочные проекты в местах, не предназначенных для экспонирования. Это нелегкий процесс, не white cube пространство, нужно думать, проектировать, застраивать. Все работы должны работать и взаимодействовать друг с другом.

Расскажи, как ты пришла работать в свою alma mater? Это же академический ВУЗ, в котором есть свои правила и распорядки. Вот ты, вчерашняя выпускница, приходишь на кафедру как самая молодая преподавательница. Как ты себя в этот момент ощущала? С какими сложностями столкнулась?

Вся моя живопись про границы как внешние, так и внутренние. Я постоянно работаю с этой темой, и она изначально началась с внутренних границ. Как человек сам себе их выставляет, как он действует и как на самом деле ему трудно самому себе признаться, что они существуют. В контексте вопроса внешних границ, мы зачастую смотрим на них только с одной стороны. Например, когда я пришла сразу после выпуска работать в сложившийся коллектив, было очень непросто, но здесь все зависит от тебя.

Если говорить о должности декана, то до меня назначили другого декана, тоже молодого, но ему не подошла эта должность. И мне не зря ее предложили, потому что сейчас политика на обновления, ориентация на молодежь, нужны активные люди. И я думаю, что многие в коллективе это понимают. Конечно, всегда есть те, которые больше к тебе расположены и которые меньше, при этом я чувствовала, что я на своем месте. Были страхи и сомнения, но постепенно я понимала, как действовать и как существующие академические рамки можно модернизировать. Я работаю и с галереями, и с музеями, и с выставочными проектами, и вовлекаю в это коллег. Это необходимый процесс.

Как твоя творческая энергия сочетается с бюрократическими и административными вопросами, которые неминуемо возникают при работе в институте? Насколько тебе комфортно в этом?

Это очень хороший вопрос, потому что все художники редко способны к такой нудной работе. Это даже касается личной карьеры, когда сталкиваешься с CV, портфолио, заполнением заявок и т.д. Каждый автор скажет: «Oh my God, только не это!». Здесь мне тоже трудно, но это некая воспитательная работа над собой, и я понимаю, что без этого никуда. Надо подходить к этому более творчески, надо любить то, что ты делаешь. Например, я не любила писать тексты и не умела это делать, но я начинала и втягивалась в процесс. Когда у тебя что-то получается в первый раз, это невероятная радость. Конечно, сложно, но через «стискивание зубов» ты приобретаешь некий опыт, не может быть все время легко. Мне ничего не дается легко, нужно все зарабатывать, но я это люблю и люблю работать. Такой у меня характер, чем больше задач появляется, тем больше я успеваю.

Фонд Махарт поддержал Первую Коми биеннале с проектом «Коллаборация», были ли у тебя внутренние сомнения по поводу того, что ты, с одной стороны, сооснователь фонда, а с другой, участник проекта как художник?

Комиссар биеннале Пьер Броше, и в основном Пьер выбирал художников, которые будут участвовать в проекте. Поскольку проект «Коллаборация» подразумевал создание произведения совместно с местными мастерами, я рассказала Пьеру свою идею работы с вышивкой, это понравилось комиссару.

Меня несколько не смущало, и я не видела в этом противоречия. Могу сделать хорошие работы и в тоже время помочь это организовать. Тут я никого не

обманиваю, на любой комментарий могу ответить: «Почему?». У меня не было с самой собой никаких недоговоренностей, наоборот, органика.

А что думаешь о взаимодействии с локальным населением?

Тут получается либо насаждение, либо вовлечение, но одно без другого не выйдет. Чтобы что-то поменять, надо сначала объяснить, что это такое. Потому что многим непонятно современное искусство, только потому что его не знают. Незнание ведет к страху, а проект «Коллаборация» был «вовлекательный», мы не просто приехали и что-то сделали, мы были во взаимодействии с местными коллегами.

Когда ты преподаешь и говоришь со студентами, чувствуешь ли ты повестку «новой этики»? Уместно ли о ней говорить в контексте нашей страны? Строишь ли некие границы того, что можно и нельзя?

Здесь важно сказать о специфике художественного образования, потому что это не точная наука. Ты не можешь сказать делай так и так, и это на 100% приведет тебя к «успеху». Поэтому для меня важна работа с каждым студентом по-своему, перед тобой будущий художник, и очень легко действовать по каким-то канонам. Но намного важнее понимать, кто перед тобой находится и как это будет транслировано во внешний мир. Кто-то более интровертный, кто-то более экстравертный, и, наблюдая персону перед собой, для меня нет рамок. Рамок с точки зрения «это можно обсуждать», а «это нельзя обсуждать».

У нас речь идет о молодых людях, которые ищущие и сомневающиеся, они еще не нашли свой язык в искусстве. Чем больше они будут находиться в поле экспериментов, тем лучше. Чем больше будет неудач,

тем лучше. Вспоминая свое обучение в институте, я понимаю, что это путь от неудачи к неудаче.

А что ты называешь неудачей?

Когда художник работает, он всегда не доволен результатом. Для меня опасно, когда ты сказал себе: «это гениально» и остановился. Результат должен быть, маленькие победы, когда ты с той же техникой совладал, освоил что-то новое. Но, в тоже время, ты освоил по-своему и, таким образом, накапливаешь свой метод.

Когда твои студенты приходят в мастерскую, ты чувствуешь, что они могут копировать твои работы и твой стиль? Очевидно, что любой художник начинает с подражания, но направляешь ли ты в этот момент студента или позволяешь ему в этом раствориться и пройти этот путь самостоятельно?

Могу сказать по себе, что, учась в институте, я копировала преподавателей, которые у меня вели. Поскольку относилась к ним как к мастерам. Мне понадобилось много сил, чтобы от этого отстроиться. В какой-то момент я поняла, что надо делать по-другому. Для меня это и есть тот опыт, который я могу чуть раньше помочь избежать моим студентам.

У меня нет линейного преподавания, что надо делать вот так (как я). Когда у тебя есть свой метод, очень легко научить ему. Для меня важно, чтобы ребята смотрели, что свойственно им. Например, у меня очень агрессивные работы, по технике они контрастные, смешение разных материалов, разных стилей. Есть студенты, которые вообще не про это, и я стараюсь их оценивать не через собственную призму, а через призму мировой практики.

Ты работаешь только как живописец или пробуешь и другие техники? Есть ли в этом отношении у тебя ограничения?

Нет, я работаю не только с живописью, изначально

заканчивала ВУЗ как художник-график, занималась очень долго гравюрой на металле, лет шесть, но это не значит, что я не знала, что такое живопись. Опыт гравюры помог мне понять, что такое краска, как живопись помогает мне работать со скульптурой, познавать материал. Я работаю с инсталляцией, видео артом и последние два года делаю перформансы, и это совершенно другая практика.

Импульс и желание к перформансу я получила из процесса работы с живописью. Я стараюсь работать с разными техниками и считаю, что это очень важно. Художник всегда должен экспериментировать, иначе получается, что ты остановился и просто себя тиражируешь ●

Фото из личного архива Евгения Воронова

